

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

10 000 в.
судили одни о-
ператоры, художники
доты о новых словах,
нет даже словаря, где
ены эти порождения ре-
и и выкидыши, но и уро-
не ругать, но изучать
вать ли комиссию для
ч, для создания т-
что если бы -
прос

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ
О русском языке
О ЧЕХОВЕ
ИЛЬЯ РЕПИН

Москва, 2017

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение/ Сост., comment. Е. Чуковской. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. — 592 с. : ил.

ISBN 978-5-5196-1487-0 (т. 4)

ISBN 978-5-4467-0026-4

С творчеством Корнея Ивановича Чуковского (1882-1969) начинают знакомиться в раннем детстве, чтобы затем всю жизнь открывать для себя новые грани таланта писателя. Познакомиться с удивительным миром Чуковского, представить себе масштаб созданного этим человеком позволяет настоящее Собрание сочинений.

В четвертый том Собрания сочинений входят книга «Живой как жизнь» и ранние статьи К. Чуковского о языке, а также книги «О Чехове» и «Илья Репин». Эти работы, написанные на разном материале и в разные эпохи, объединяет пристальный интерес автора к законам развития языка, к творческой манере и личности художников. В том включены также воспоминания К. Чуковского, относящиеся к событиям начала века.

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)6

BIC FC

BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017

© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

© К. Чуковский, наследники, 2017

ISBN 978-5-5196-1487-0 (т. 4)

ISBN 978-5-4467-0026-4

© Е. Чуковская, составление, комментарии, 2017

ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ

О русском языке

Встал бы из могилы, ину хоть Даль и услышал бы в трамвайное такое:

— Наш домкомбездчик спекулинул на косых!

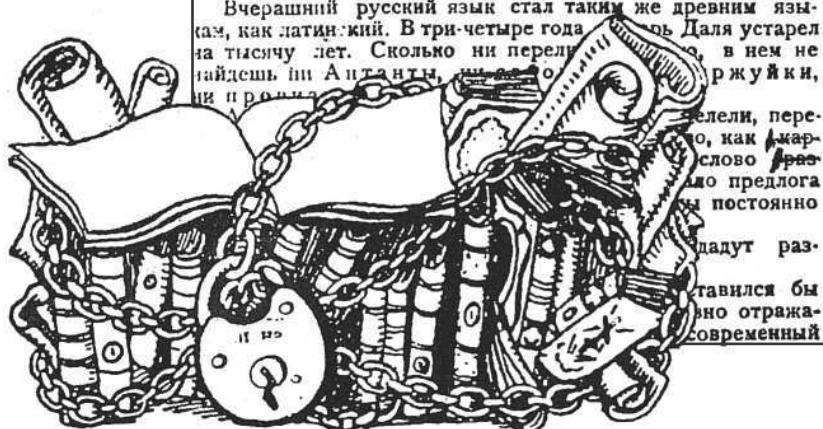
Даль не понял бы ни слова и подумал бы, что это ~~фи-рмий~~ жаргон. Но велико было бы его изумление, когда оказалось бы, что этот ~~творческий~~ жаргон—всеобщий, что все только на этом жаргоне и говорят, что прежнего русского языка уже нет. Все говорят о каких то мешочниках, гантельках, дорожефожах.

Вместо простите, говорят **«швиняюсь»**, вместо до-
свиданья — «пока».

Даль почувствовал бы себя иностранцем и спрашивал бы на каждом шагу:

— Что такое уплотняться? И что такое прикрепляться? И что такое халтурить? И что такое спец? И что такое во-
лынить? и что такое думские деньги?

Вчераший русский язык стал таким же древним языком, как латинский. В три-четыре года Даля устарел на тысячу лет. Сколько ни перелайдешьши в нем не найдешьши Аираны, ни ~~одо~~ ржуйки, ни ~~одо~~ дрона.

В нем [в русском языке] все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких, он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно.

Гоголь

Глава первая

СТАРОЕ И НОВОЕ

Дивишься драгоценности нашего языка:
что ни звук, то и подарок; все зернисто,
крупно, как сам жемчуг, и, право, иное на-
званье еще драгоценнее самой вещи.

Гоголь

I

Анатолий Федорович Кони, почетный академик, знаменитый юрист, был, как известно, человеком большой доброты. Он охотно прощал окружающим всякие ошибки и слабости.

Но горе было тому, кто, беседуя с ним, искажал или уродовал русский язык. Кони набрасывался на него со страстью ненавистью.

Его страсть восхищала меня. И все же в своей борьбе за чистоту языка он часто хватал через край.

Он, например, требовал, чтобы слово *обязательно* значило только *любезно, услужливо*.

Но это значение слова уже умерло. Теперь в живой речи и в литературе слово *обязательно* стало означать *непременно*. Это-то и возмущало академика Кони.

— Представьте себе, — говорил он, хватаясь за сердце, — иду я сегодня по Спасской и слышу: «Он *обязательно* набьет тебе морду!» Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поколотит его!

— Но ведь слово *обязательно* уже не значит *любезно*, — пробовал я возразить, но Анатолий Федорович стоял на своем.

Между тем нынче во всем Советском Союзе не найдешь человека, для которого *обязательно* значило бы *любезно*. Нынче не всякий поймет, что разумел Аксаков, говоря об одном провинциальном враче:

«В отношении к нам он поступал *обязательно*».

Зато уже никому не кажется странным такое, например, двустишие Исаковского:

И куда тебе желается,
Обязательно дойдешь.

Многое объясняется тем, что Кони в ту пору был стар. Он поступал, как и большинство стариков: отстаивал те нормы русской

речи, какие существовали во времена его детства и юности. Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь.

Я легко могу представить себе того седоволосого старца, который в 1803 или в 1805 году гневно застучал кулаком по столу, когда его внуки стали толковать между собой о развитии ума и характера.

— Откуда вы взяли это несносное *развитие ума*? Нужно говорить *прозябение*.

Стоило, например, молодому человеку сказать в разговоре, что сейчас ему надо пойти, ну, хотя бы к сапожнику, и старики сердито кричали ему:

— Не надо, а надо! Зачем ты коверкаешь русский язык?¹

А когда Карамзин в «Письмах русского путешественника» выразился, что при таких-то условиях мы становимся человечнее, адмирал Шишков набросился на него с издевательствами.

«Свойственно ли нам, — писал он, — из имени *человек* делать уравнительную степень *человечнее*? Поэтому могу [ли] я говорить: моя лошадь *лошадинее* твоей, моя корова *коровее* твоей?»

Но никакими насмешками нельзя было изгнать из нашей речи такие драгоценные слова, как *человечнее, человечность* (в смысле гуманнее, гуманность).

Наступила новая эпоха. Прежние юноши стали отцами и дедами. И пришла их очередь возмущаться такими словами, которые ввела в обиход молодежь:

дафовитый,
отчетливый,
голосование,
общественность,
хлыщ².

Теперь нам кажется, что эти слова существуют на Руси спокон веку и что без них мы никогда не могли обойтись, а между тем в

¹ В *Словаре Академии Российской* (СПб., 1806–1822) есть только *надобно*.

² Ни в *Словаре Академии Российской*, ни в *Словаре языка Пушкина* (М., 1956–1959) слова *дафовитый* нет. Оно появляется лишь в *Словаре церковнославянского и русского языка*, составленном вторым отделением Императорской академии наук (СПб., 1847). Слова *отчетливый* нет в *Словаре Академии Российской*. Слова *голосование* нет ни в одном словаре до Даля (1880). Слово *хлыщ* создано Иваном Панаевым (наравне со словом *приживалка*) в середине девятнадцатого века. См. также *Труды Я. К. Грома*. Т. II, с. 14, 69, 83.

30–40-х годах минувшего столетия то были слова-новички, с которыми тогдашние ревнители чистоты языка долго не могли прийти в себя.

Теперь даже трудно поверить, какие слова показались в ту пору, например, князю Вяземскому низкопробными, уличными. Слова эти: *бездарность* и *талантливый*.

«Бездарность, талантливый, — возмущался князь Вяземский, — новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил, что «наши новые писатели учатся языку у лабазников». Если тогдашней молодежи случалось употребить в разговоре такие неведомые былым поколениям слова, как:

факт,
результат,
ефунда,
*солидарность*¹,

представители этих былых поколений заявляли, что русская речь терпит немалый урон от такого наплыва вульгарнейших слов.

«Откуда взялся этот факт? — возмущался, например, Фаддей Булгарин в 1847 году. — Что это за слово? Исковерканное»².

Яков Гrot уже в конце 60-х годов объявил безобразным новоявленное слово *вдохновлять*.

* * *

Даже такое слово, как *научный*, и то должно было преодолеть большое сопротивление старозаветных пуритан³, прежде чем войти в нашу речь в качестве полноправного слова. Вспомним, как поразило это слово Гоголя в 1851 году. До той поры он и не слышал о нем. Старики требовали, чтобы вместо *научный* говорили только *ученый*: *ученая* книга, *ученый* трактат. Слово *научный* казалось им недопустимой вульгарностью.

Впрочем, было время, когда даже слово *вульгарный* они готовы были считать незаконным. Пушкин, не предвидя, что оно обрусеет, сохранил в «Онегине» его чужеземную форму. Вспомним знаменитые стихи о Татьяне:

¹ Ни слова *факт*, ни слова *результат*, ни слова *солидарность* нет в *Словаре Академии Российской*.

² «Северная пчела», 1847, № 93 от 26 апреля. «Журнальная всякая всячина». Хотя слово *факт* уже встречалось в произведениях Пушкина.

³ *Пуританами* называются люди, стремящиеся оградить, «очистить» родной язык от всяких новшеств, не допускать в него никаких изменений. Идеал пуритан — языковые нормы минувшего времени, которые они считают единственно правильными.

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. (Не могу...)

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)

(VIII глава)

Переводить это слово на русский язык не пришлось, потому что оно само стало русским.

Конечно, старики были не правы. Теперь и слово *надо*, и слово *ерунда*, и слово *факт*, и слово *голосование*, и слово *научный*, и слово *творчество*, и слово *обязательно* (в смысле *непременно*) ощущаются всеми, и молодыми и старыми, как законнейшие, коренные слова русской речи, и кто же может обойтись без этих слов!

Теперь уже всякому кажется странным, что Некрасов, написав в одной из своих повестей *ерунда*, должен был пояснить в примечании: «Лакейское слово, равнозначительное слову – дрянь», а «Литературная газета» тех лет, заговорив о чьей-то *виртуозной* душе, сочла себя вынужденной тут же прибавить, что *виртуозный* – «новомодное словцо»¹.

По свидетельству академика В. В. Виноградова, лишь к половине девятнадцатого века у нас получили права гражданства такие слова: *агитировать*, *максимальный*, *общедоступный*, *непререкаемый*, *мероприятие*, *индивидуальный*, *отождествлять* и т. д.

Можно не сомневаться, что и они в свое время коробили старых людей, родившихся в восемнадцатом веке.

В детстве я еще застал старииков (правда, довольно дряхлых), которые говорили: *на бале*, *Александрынский театр*, *генварь*, *румяны*, *белилы*, *мебели* (во множественном числе) и гневались на тех, кто говорит иначе.

Вообще старики в этом отношении чрезвычайно придирчивый и нетерпимый народ. Даже Пушкина по поводу одной строки в «Онегине» некий стариик донимал в печати вот такими упреками:

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старинным грамматикам? Можно ли так коверкать русский язык?»

¹ «Литературная газета», 1841, с. 94: «В игре и в приемах видна душа *виртуозная*, чтобы щегольнуть новомодным словцом».